

**Отзыв официального оппонента
на диссертацию Меняева Бадмы Викторовича
«“Сказание нектарного Учения” (“Arṣāni nomiyin tuuji”) как памятник
ойратской литературы», представленную на соискание ученой степени
кандидата филологических наук по специальности 5.9.2 «Литературы
народов мира» (филологические науки)**

Диссертационное исследование Б. В. Меняева посвящено комплексному изучению ойратского письменного памятника «Сказание нектарного Учения» («Arṣāni nomiyin tuuji») как важного образца дидактической литературы, связанного с буддийской традицией. Данный памятник до настоящего времени еще не был предметом специального научного анализа.

Актуальность работы обусловлена несколькими факторами.

Во-первых, это восполнение лакуны в изучении ойратской литературы. Ойратская литература, являясь частью монгольской литературной традиции, остается недостаточно исследованной, особенно в аспекте дидактических и комментаторских текстов.

Во-вторых, это межкультурный диалог. Исследование демонстрирует взаимовлияние индо-тибетской и ойратской литератур, что важно для понимания процессов культурного обмена в Центральной Азии.

В-третьих, это введение в научный оборот новых материалов. Автор впервые систематизирует и анализирует три списка памятника, хранящиеся в российских архивах, что расширяет источниковую базу для дальнейших исследований.

Научная новизна работы заключается в следующем:

- В ней впервые проведен комплексный анализ сборника «Сказание нектарного Учения», включая его жанровую специфику, композиционную структуру и связь с буддийским трактатом «Ламрим».
- Выявлены и описаны источники сюжетов, восходящие к древнеиндийским и тибетским текстам («Кармашатака», «Аваданашатака», «Джатакамала» и др.), что подтверждает компилятивный характер памятника.

- Разработана методология для изучения подобных дидактических текстов, сочетающая текстологический, структурный и сравнительно-типологический подходы.
- Предложена классификация жанров рассказов сборника (аваданы, джатаки, адбхута-дхармы и др.), основанная на типологии буддийских проповедей.

Диссертация отличается четкой структурой, соответствующей поставленным целям и задачам. Глава 1 посвящена обзору рукописей, истории изучения сборника, его композиции и жанровому составу. Глава 2 раскрывает сюжеты и систему персонажей, включая их связь с буддийскими трактатами. Глава 3 анализирует бродячие сюжеты, демонстрируя их распространенность в мировом фольклоре. Каждый раздел логически вытекает из предыдущего, что обеспечивает целостность исследования.

Осуществляя исследование, автор опирается на солидную научную базу, включая широкий круг редких источников: рукописные списки из ИВР РАН, СПбГУ и Госархива Татарстана, тибетские и монгольские аналоги (например, «Ламрим» Чже Цонкапы), указатели сказочных сюжетов (Аарне-Томпсона-Утера, Лёринца). При этом в необходимой мере учтен научный вклад российских (Б.Я. Владимирцова, А.Г. Сазыкина и др.), монгольских (Ц. Дамдинсурэна и др.) и западных (М.Л. Фира и др.) исследователей. Без внимания не остались как старые, так и новейшие исследования, вышедшие в последние пять лет (С.Л. Бурмистрова и др.).

Методология исследования включает текстологический, структурный и сравнительно-типологический анализ, что обеспечивает достоверность результатов. На взгляд оппонента важно то, что выводы подтверждаются параллелями с известными памятниками, такими как «Панчатантра» и «Рамаяна».

Работа имеет значительную теоретическую ценность и практическую значимость. В теоретической части она вносит вклад в развитие востоковедческих исследований в области литературоведения и буддологии,

уточняет жанровые особенности ойратской дидактической литературы. Автор демонстрирует глубокое понимание культурного контекста, связывая ойратские тексты с индо-тибетской традицией через анализ бродячих сюжетов (например, АТУ 160 «Благодарные животные»). Применение междисциплинарного подхода (фольклористика, текстология, сравнительная мифология) позволяет раскрыть многослойность памятника.

Практическая значимость заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы в учебных курсах по литературе народов мира, буддийской культуре и истории Центральной Азии. Материалы диссертации применимы для дальнейших исследований в области монголоведения, тибетологии и сравнительного литературоведения. Публикации автора в журналах, индексируемых в Scopus и Web of Science, тоже подтверждают востребованность темы в академической среде.

Выводы диссертации убедительны и подтверждаются сравнительным анализом сюжетов с известными памятниками («Панчатантра», «Рамаяна»), ссылками на авторитетные работы (Ц. Дамдинсурэна, А.Д. Цендиной, Д. Ёндона), апробацией результатов на 21 международной конференции и в 17 публикациях, включая журналы Q1.

Весьма важно то, что автор не только констатирует связь ойратского сборника с индо-тибетской традицией, но и показывает трансформацию сюжетов (сокращение описаний, упрощение композиции), что свидетельствует о самостоятельной обработке материала ойратскими книжниками.

Работа имеет много сильных сторон. Среди них особо можно отметить:

1. Фундаментальность исследования и уникальность источниковой базы. Автор опирается на широкий круг источников, включая рукописи, архивные материалы и полевые данные (собранные в Калмыкии, Монголии и Китае).

2. Системность анализа. Четко структурированы главы, посвященные жанрам, сюжетам и персонажам, что обеспечивает целостность исследования.

3. Междисциплинарность. Работа сочетает методы литературоведения, текстологии, буддологии и фольклористики, впервые примененные для проведения глубокого, разностороннего анализа малоизученного памятника.

4. Убедительную аргументацию, уверенное использование сложных источников и комплексного подхода, сочетающего филологический и культурологический аспекты.

Серьезных недостатков работа лишена. Тем не менее, некоторые рекомендательные замечания предложить хотелось бы:

1. Автор отмечает отсутствие тибетского оригинала сборника, но не исключает его существования. Может быть, стоило бы попытаться привлечь и проанализировать больше тибетских источников, промежуточных редакций, чтобы подкрепить гипотезу о компилятивном характере сборника дополнительными аргументами.

2. Основной опорный материал исследователя ограничен тремя списками. Но не указано, как именно выбирались три списка для исследования: почему именно они, а не другие? И почему три, ведь привлечение большего количества текстов позволило бы полнее отразить разнообразие традиции.

3. Датировка и аутентичность рукописей обсуждаются автором без анализа возможных искажений или редакторских правок в списках.

4. В работе можно увидеть терминологическую неоднозначность: термин «tuuḡi» переводится как «сказание», но его жанровое соответствие европейским категориям («притча», «легенда») может потребовать дополнительного обоснования.

5. В таблице 3 (сводный перечень рассказов) для Списка 3 указано 13 рассказов, но в тексте не объясняется, почему выбраны именно эти, а не другие. Нужно пояснить критерии отбора.

6. Автор часто ссылается на работы других исследователей (Владимирцова, Ёндона и др.), но не всегда оценивает их выводы критически. Например, в сравнении сюжетов с «Панчатантрой».

7. Мало внимания уделено роли сборника в ойратской культуре. Как он использовался? Кто был его аудиторией? Как культурный и исторический контекст повлиял на адаптацию индийских сюжетов? Нет оценки того, насколько типичны выявленные изменения для ойратской литературы в целом.

8. На стр. 102 сообщается, что «Аваданашатака» была переведена на китайский язык еще «при правлении династии Ву (222-280 гг. н.э.) переводчиком Чих Чиеном». «Ву» - это неверная транслитерация названия древнего китайского царства У. Это царство У было провозглашено Сунь Цюанем в 229 году и существовало до 280 года. Приведенная же автором датировка (220 – 280 гг.) в китайской историографии подразумевает хронологические рамки эпохи Троецарствия. Наконец, здесь же «Чих Чиен» - это, видимо, неверная транслитерация имени переводчика буддийских сутр Чжи Цяня. Но на китайский язык «Аваданашатаку» переводил не он, а индийский монах Гунабhadра (кит. 求那跋陀罗, санскр. Guṇabhadra) в 492 году.

9. В некоторых местах текст перегружен терминами и названиями на санскрите, тибетском, ойратском и других языках без достаточных пояснений, что может затруднить чтение для неподготовленного читателя.

10. На стр. 52 в сносках № 100 и 101 дается дублирующая информация:
№ 100: Ике Терген хан (ойр. *уеке терген хāн* букв. 'хан по имени Большая Колесница') — имя царя, отца принца Бюкюни Буяна;
№ 101: Бюкюни Буян (ойр. *büküni buуan* букв. 'Всеобщая Добродетель') — имя сына Ике Терген хана.

Т.е. сноска 101 лишняя, либо в ней можно было сделать отсылку «см. сноску 100».

11. В ссылках на «Кармашатаку» иногда используется латинская (*Karmaśataka*), а иногда кириллическая («Кармашатака») транскрипция.

12. В рассказе № 48 фраза «пучок травы куша» требует уточнения, так как «куша» — это священная трава в индуизме, но для буддийского контекста это может быть неочевидно.

Все эти замечания несколько не снижают общей ценности работы и могут носить рекомендательный или дискуссионный характер.

В целом диссертационное исследование Меняева Б.В. на тему «“Сказание нектарного Учения” (“Aršāni nomiyin tuuji”) как памятник ойратской литературы» представляет собой оригинальное серьезное научное исследование. Автор демонстрирует владение методологией, глубокое знание предмета и умение обобщать разнородный материал. Исследование отвечает требованиям, установленным в пп. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 года №842 (в действующей редакции), а его автор Меняев Б.В. заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.2 «Литературы народов мира» (филологические науки).

Официальный оппонент:

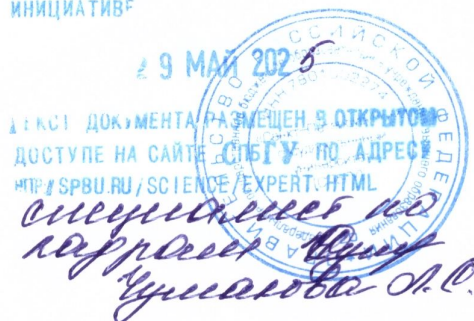
Кандидат филологических наук по научной специальности 10.01.03 Литература народов стран зарубежья (литературы народов стран Азии), доцент Кафедры китайской филологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

«29» мая 2025 года

Маяцкий Дмитрий Иванович

Личную подпись заверяю
Документ подготовлен по личной
инициативе

Контактные данные: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

Адрес: 199034, Университетская набережная, д. 11, каб. 20.

Телефон: +7 (812) 328-7732; e-mail: d.mayatsky@spbu.ru